

Денис Попов

РУССКИЕ ИМЕНА

ВЕРЕЯ

Ох, как ветер бьёт воротину!
Хоть железная – скулит.
Под крестом заныла родина,
Под нательным, и болит.

Запустил!
Когда – не вспомнится,
Не достанется назад.
Сам себе я и околица,
И калитка в палисад.

У костра ль сижу на чурочке,
За столом ли со братья,
Всё болит, болит вот туточки,
Неизбывная моя.

О заборы ветер режется,
В травах бродит и в репье...
Страшно! Вдруг да не удержимся
Мы на вере-верее.

* * *

Когда пространство что ни день жужжит
И плоть черна, и небо цвета плоти,
И поле перейти – не жизнь прожить,
По имени кого в душе зовёте?

Пусть снова русских времени колосс
Имён не различает на разгрузках,
По-арамейски говорил Христос,
Но мир спасал, как мир спасает русский.

Пусть воду нам не пить с лица страны,
Но есть Амур, Печора есть и Волга...
И новый дождь смывает пыль войны
Со щёк бойца, пускай и ненадолго.

* * *

Июльский жук царапнет шею.
Смахну – другую поищи!
Когда б я так же ахинею
Легко мог смахивать с души!

Но отчего я так бессилён,
Как под рукой моей усач?
Не смахивай меня, Россия,
Но в коробок от спичек спрячь.

И там, где крестик скособочен,
И дождь на травах и усах,
Открой заветный коробочек...
Бывай!
Спасибо!
Дальше – сам!

* * *

Что знал я о Донбассе до войны,
Фадеева и в школе не читавший?
А нынче я историю страны
Учу по новой, сам в неё попавший.

А нынче, географии адепт,
Страны моей исследую фронтiry.
Мне всё равно – как ляжет карта мира,
Не лёг бы веры в Родину укреп.

Не сгнули б напрасно мужики,
Что возвращают русское России...
Что знали о Донбассе старики,
Вернувшие его в сороковые?

* * *

Вот уж год, наверно, нет весточки от него.
Военком говорит, что погиб он, скорей всего.
Но весна окрест. И дорога, как Божий перст.
И мужик на ней, похожий на старый крест.
А в сарае – новенький ждёт мужика того:
Раз погиб, так тело вернут его.
А мужик вернулся ни духом, ни сном – живым,
И в стакан глядится, и жёнка глядится с ним.
Умереть не может, что было уже мертво:
На себя махнул он задолго до СВО.
Да и баба его считала себя вдовой,
Иногда детьми рассчитаться нельзя с войной.
Кем бы смерть ни была, только жизни мудрей Устав,
И закат кривится, точно вдовы уста
И уста воскресшего, ибо весна окрест.
И мужик идёт по соседям: Не нужен крест?

* * *

Всё чаще за вопросом «Помнишь Саню?»
(Серёгу, Васю...) следует «Погиб!»
И грани как не вдавливай стакану,
Внутри него всё та же, та же зыбь.

Раздетые до пояса деревья,
Раздетые, хотя на свете май,
Не осуждайте, мол, они – деревня!
Пусть выглядят сошедшими с ума.

Пусть выглядят! Чего не показали,
Не рассказали, значит – не резон.
Всё чаще вижу на автовокзале:
Усеян их окурками перрон.

ЛЁХА

Лёха помнит друзей и войну.
Лёха помнит и маму и брата.
Но когда он отходит ко сну,
Он уже не приходит обратно:

Там, где память – у Лёхи дыра
И снаружи её не заметишь.
Он не помнит, что было вчера,
Словно не было дня перед этим.

Что сегодня ему ни скажи,
Что сам Лёха в моменте не скажет –
Он забудет, как прошлую жизнь,
Словно день накануне – не важен.

Я когда-то молился о нём,
Чтоб не стала война его болью...
Он один, кто сегодняшним днём
Может жить против собственной воли.

* * *

Как горек он, мир, сорванный с куста
Незрелым! Как он твёрд и неподатлив!
Я крест ваш на себя возьму навряд ли
И вам не надо моего креста.

Как скучно на душе от суеты!
Торопятся жить дети и собаки.
А мне бы полем, полем паки, паки...
Да иже херувимы с высоты.

Что не хватает нежности во мне
Что самому её мне не хватает –
С окурками стеклянная простая
Расскажет разве банка на окне.

К чему тогда словесный этот цирк –
Пародия на духа упражненья?
Как скучно на душе от сожаленья!..
Не херувимы ль в листьях – цвирк да цвирк?

* * *

Как я не сдержан! Как терпением слаб,
И то и дело вспыхиваю спичкой!
И я бы потерял тебя, когда б
Ты мне принадлежала хоть частичкой.

Зачем тебе ряды моих дымов,
Пронзающих небесное подножье?
И произвольный чувств порядок мой,
И вольный перевод мой планов Божьих?

* * *

А наутро они проснутся.
А наутро проснусь и я
Где-то между Лазо и Фрунзе,
Между Щорса и Крымская.

Будут Родина или мама,
Или бывшая, иль жена,
Вслух ли, мысленно ль звать упрямо:
Для чего я тебе нужна?

– Чтобы крест не давил на плечи! –
Скажет умный, осмотрит тыл.
Я – на всякий, чтоб не обжечься,
Им отвечу: для красоты!

А спросили бы: кто тебе – я?
Вслух, быть может, ответил: печь!
Не скажу же я им: Медея –
Иногда, а порою – меч...

Назовёт ли меня Россией,
Иль подумает так хотя б,
Мальчик в кепочке некрасивой,
Мне сказавший однажды «Пап!»?

* * *

Эй, есть ли кто в метельной кутерьме?
И, окромя тщеты, что – после слова?
Мне не давали даже срок условный,
С чего я вдруг подумал о тюрьме?

И снова усомнюсь в себе: на кой
Смотрю на мельтешенье снега, снега?...
И если где-то заскрипит телега,
То это «где-то» очень далеко.

И если здесь себе я был нужен
Когда, то вышел весь и... будто не был.
Но кто с тобой разделит это небо
И поднесёт в прихожей сапожок?